

Автор - Вячеслав Рассыпаев, Киев (Украина).

МХ-154

Да, позорно. Так природой не задумано –
парень парня, понимаешь, в полость рта!
Но и эта лунность зарева латунного
лучше, чем моя бирючья пустота.

Были няшные семнадцать – не решался
впасть в ловушку соблазнительного шанса.
Под давлением безликих подпевал
во дворе артериальной пиццей рвал.
От облизанной Виталикос сосиски
отбегал за километр, боясь ОРВИ.
Хоть до армии, до общей с хлебом миски
не донёс меня медбрат с ножом в крови...

Намекали – не один и не десяток
нарушителей моральных рубежей.
Было много пояснительного мата,
в том числе «тореадор» и «фаберже».
Только что об этом знал я, посвящённый
в дивный голос Джельсомино и гандбол?
Секс, хренекс – то у буржуев да пижонов

на каком-нибудь Майами голубом.

Я шарахался от этой скользкой темы
даже после смерти лживых контролёров.
Но сейчас, едва затянет окна темень,
что на три весёлых буквы не пошлешь,
откопаю ролик низменно-пикантный,
где слюну без мыла месят языки,
и фазенда пахнет садом и пекарней –
затаённо, но вполне по-городски.

А звать, вопя, к превратностям колхоза –
вот где вправду унижительная поза.

И, пожалуй, лучше опиумный мак,
чем известие, что звать тебя – никак.

МХ-165

– Вот этого, самого крепенького, я бы и взял! –
воскликнул довольный папаша, похлопав второго из тройни.
И взял. Даже мамка не знала, что он, одного увозя,
двоих обрекал на мусорник или коровник.
И вырос наследник: в семь лет был уже как в пятнадцать.
Отец, охваченный пламенем галлюцинаций,
побаивался ночами топота по паркету –
оттягивал жалюзи и тянулся к свету.
Сынишка не только мускулы накачивал, а и суставы...
Чёрт побери, тут и дикий кабан заботится подставы.
В тринадцать лет одиннадцать месяцев и дня эдак двадцать три
беззвёздной ночью, когда в туалете призрак вопил: «Отопри!»,
сдавил постаревшее тело папаша, брызнул кровавый студень –
физкульт, силовые структуры! Я ещё неподсуден!

Пупсик, лежавший слева – щёки в мучнистой росе –
выучился, женился и в труп превратился. Как все.

Однако по пустырю, куда принесла дворняга
третьего малыша с разросшейся шейной опухолью,
прогуливался сирота с макаронами из сельмага –
и внутренний голос при встрече облика к облику
музыку нашептал для флейты, рожка и сердца:
«Вот этого. Только этого. Считай, что вердикт партсъезда».
– Идём ко мне! – и двенадцать лет были песни по вечерам,
воскресные крестики-нолики без Христа и Мунтяна,
и расцветал глоксинией каждый подкожный шрам,

и каждый нейтрон понимания был в нужное русло втянут.
Да, куча дружб кончается по-плохому.
Но здесь их лодку восприняли по-своему погранвойска –
и крик раздался: «Влезай на мою лимфому!»
И – буль... буль-буль... только почка всплыла в носках.

...Мне предстояло лизать и лизать соль с обложной зарубки,
прежде чем убедить себя не влюбляться в клубничные губки.

МХ-167

Боги разглагольствуют о пиве,
мойры – о солёных баклажанах.
Мне оно – как якорем об бивень
теленостям в противовес.
Мне писать стихи мешают пчёлы,
воробьи, цветы и тётя Жанна.
Сердце – вон, на полке. Видишь сколы?
То я как-то в социум полез.

Словно чью-то мелочь ляпнул дамой –
на тебе! – всех дам одной колодой!
Отбивайся – хоть там пентаграмма
перехреноверчена сто раз.
Люди! Я прирос к своей кровати –
грубой, анемичной и холодной.
Шире стал в физическом обхвате,
но не трачу силы на расквас.

«Приходи... прилазь... послушать скрипку...»
Чуть не поругался с той носатой
бандершей, устроившей ощипку
еле видных творческих минут.
Что стихи? Подумаешь... Пусть стынут
в чайнике с проржавленной насадкой;
мы тебе придумаем вакцину
от капкана вымышленных смут!

Вот и догадайтесь с первой ноты,
отчего мне хочется и реки,
и простонародные темноты
переделать с голого нуля.
Где б я ни сидел с блокнотом – в кресле
или на подъездах к лесосеке –
вспомните, как вы мешали Тесле,
телевизор в рот ему туля.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

[Спонсор: Балтийский фонд культуры имени Александра Сергеевича Пушкина](#)

СП